

Un peuple sensible, mauvais et éternel¹.

Заварухина О.В.

Волгоград, Частная интегрированная школа, 9 класс

Я ушёл в леса, чтобы жить размышляя;
постичь тайны жизни...
(на открытие «Общества мёртвых поэтов»)²

В скитаниях от жгучих свирепых морозов до летнего комариного зноя предстоит перешагнуть через мерзкую несуразную слякоть, и наступит прекрасное пробуждение природы. В бескрайних полях новые бутоны в пару мгновений расцветут, заблагоухают, привыкнут к красе своего бытия и... снова увянут. Неважно, станут они пищей червям и грызунам или пряным послевкусием дорогого чая - неоправданно тихим, глухим, бессмысленным.

***

Дикие волны бегут, играючи разбиваясь о могучие каменистые скалы, ветра когтями неуголимых порывов сцарапывают неокрепшую щебёнку. Морские течения и буйные ураганы понесут добычу на бездонные царства уродливых рыб, песчинка за песчинкой, пылинка за пылинкой -- и вот скопления каменной пыли теперь новая гора.

Так и появился мой остров.

Посреди буйной реки, что вытекает из моря, которого никто так и не принял за нечто достойное звания великого, на 63 шага босиком в длину, 27 шагов в ширину и шагов 9 в высоту, возникло из ничего место моей жизни. Высокие тополя-крепости не позволят жадным взглядам узнать, что скрывает в себе гробница моих мыслей, а колкая щебёнка, таящая в собственных недрах жизнь мертвого и смерть живого, не пропустит чужие босые ступни шагнуть на землю, принадлежащую далеко не человеческой душе.

Белоснежные крылатые чайки - здешний наидревнейший народ. Для тех, кто здесь проездом, этот остров, как и его жители, примитивен, грязен, сумбурен. «Дурацкие птицы заняли кусок земли, который мог пойти на пользу

---

¹ Un peuple sensible, mauvais et éternel – народ чувствительный, дурной и вечный.

² Общество мёртвых поэтов – (англ. Dead Poets Society) — американская драма 1989 года, снятая по одноимённой книге Нэнси Горовиц-Клейбаум.

рыбакам, какой кошмар, какая несуразица!» - именно так они и думают, почти так же думал и я.

Только по отношению к этому жалкому Птичьему базару я испытываю нескончаемую жажду находиться в принадлежащих ему дурманящим травам до конца своих дней. Лицезреть каждый взмах крыла моих рассекающих облака, как оркестр духовых, громких и далеко не дружелюбных хищных друзей. Мне нужно чувствовать каждую песчинку под ногами, слышать каждое дуновение ветра, приносящее прямо в лёгкие ароматы каждого лепестка полей, далеко за стенами живой крепости.

***

Вот, я явился на совсем не мои владения, щёбёнка, словно стёкла, прорезают ноги, я падаю на колени от жгучей боли и палящего солнца, но мне нужно дойти до своей тени, до своего места. Я снова иду. Наконец, мне удалось. Передо мной снова дурман-травы, птицы-стражники, крепость-деревья, через которые я и сам не знаю как проник, но я надеюсь, что это знак. Это точно знак. Знак того, что я принят, что меня не забыли, что я хоть что-то значу для них, для моих крылатых друзей, которые могут убить меня, если зазеваюсь где-то в тени, если не предупрежу, что это я – самых частый гость их забытого места.

Я приник к близлежащему белоснежному булыжнику, напоминающему ясли стражей потерянного острова. Голубые пятнисто-серые камушки, что лежат у подножия местной Джомолунгмы, совсем скоро раскрошатся от повышения демографии речного государства, или от незваных гостей, потому чайки и стали стражниками. Смерть и потеря жилья – почти единственное, что их заставляет быть жестокими к гостям. Их сородичи, базар, река – всё, что у них есть. Они хранят свою тайну веками, это то, откуда они родом. Что было их началом. Кто их защищал. Кто виновен в смерти. Вожаки, которые бросили в бою, ради спасения родового гнезда, или лисы, что борются за жизнь в человеческом мире так же, как и вечный народ беспокойного острова...

Цветы давно истратили свои неземные ароматы, словно теперь они благоухают лишь на небесах, там - за облаками. Чайки оглушающей симфонией напевают колыбельную, затмевающую поток сознания. Облака, словно мой вечный мираж, своим самотеком уже не пропускают лучи небесного светила. Моё тело уже давит на камни всем своим весом, к мои ногам, рукам и голове не притекает ничего более, чем невесомая материя.

***

Облака сгустились, взбились пышными чёрными безе, ветер чуть тёплыми вихрями приносил песчинки с жарких далёких африканских пустынь, не разрешая до конца открыть глаза. Чайки издали последний возглас и скрылись в деревьях-великанах.

Моя одежда стала парашютом и чуть не унесла мою тушу в глубины. Она развевалась флагом, и казалось, будто остров – пиратское судно, а я – единственное, что не дало быть неопознанным теми, кому инородное мое знамя необычно. Пока я старался не улететь от Канзасского торнадо, из карманов моих брюк вылетело что-то, что я заметил лишь краем своего чутья и изменением веса моих одеяний. Я рванулся, чуть приоткрыв глаза за чем-то, что показалось мне очень нужным именно сейчас, когда лежащее моё тело снесло бы так далеко, словно осенний опавший лист прибрежных тополей на чужие притоки беспокойных течений. Это нечто мне казалось ответом на всё, что меня когда-либо волновало за всю мою жизнь. Оно было чем-то спутанным, и я не имел и малейшего представления, что это. Пока я пытался хотя бы немного дотянуться до своего сознания на те пару минут пробежки по чудаковатым камням, на моё удивление, жёлтой траве, я понял, что не помню ни своего прошлого, ни имени, ни собственных черт

Вот, передо мной широкие берега реки, многочисленные оголённые холодами деревья, что были лишь волосками пушистых спин зверей-островов, столетиями переплывающие до самых краёв наполненные водой речные желоба. Высоко подпрыгнув, я ухватил то, что принадлежало только мне. Почувствовав бесконечное спокойствие, я хотел вернуться обратно, на своё место, холод пробирал до костей, кожа покрылась шипами, словно всё моё тело было окутано венками засохших роз. Даже глаза щипало то ли от песка, то ли от того же холода.

Я ощутил чьё-то присутствие. Это были не чайки, не насекомое, не моя дурная от холода фантазия. Точно кто-то есть, но я боюсь. Не зная, кто это, я медленно, прикрыв глаза, чтобы не дёрнуться от неожиданности, поворачиваю шею, и бойким поворотным шагом смотрю в глаза страху.

«А ничего» - подумал я, продолжая трястись уже не от холода, с теми же полуоткрытыми глазницами, которым хотелось уже отойти от своих задач и забыть, что пока холодно, спать нельзя.

Я открыл глаза. Позади меня стоял некто немного страшнее одинокого крольчонка посреди леса – самый обычный мальчишка, наклонивший свою

голову от удивления увиденного им то ли человека на этом одиноком островке, то ли взрослого мужчины, что от страха даже повернулся не сразу.

Я жадно запихнул поглубже сомнительной важности вещицы глубоко в карман, лишь бы это что-то не увидел никто, и уж точно этот непонятный мальчуган. С ободранными локтями и коленями, в точно не по его размерам промокшей футболке, всей в прилипших на неё зелёных водорослях, песке, иле, слипшихся пёрышках, он смотрел на меня большими серыми глазами неуголимой радости. Обычный мальчуган, с растрёпанными спутавшимися от речной влаги русыми волосами, с пером за ухом: мне он казался самым живым и счастливым в этом городе серых домов, неба, реки.

От холода меня уже колотило, а он, в одной футболке лишь перешагивал с ноги на ногу. Будто желая что-то сказать, он смотрел на меня как на что-то несуразное, как на объект современного искусства, с неким стыдом. То на меня, то куда-то вниз и вбок. А что мне делать?

- Мальчик, ты что тут забыл? – спросил я тоном старухи из твоего же подъезда, сам не подозревая о скрытых способностях.

- Пару минут назад отец высадил меня сюда, а сам рыбачить. Вы умеете костёр разжигать, а то холодно немного. У меня спички, кстати, есть. Папа отдал. Но вы не бойтесь, я не буду с ними играть. А вы откуда? Я вот неподалёку живу. А...

Я понемногу стал уставать от многословия мальчишки, но речь о спичках меня более чем обрадовала.

- А давай, сначала костер разведём, а потом уже все ответы получишь. – я сказал это решительно и правдоподобно, но неуклюжая, промёрзшая и уставшая от внеплановой пробежки походка, мне казалось, выдавала всё.

Мы шли не так уж и долго, но солнце, от которого и так не было особой пользы из-за осенней пелены, заметно притянулось к далёкому горизонту. Не хорошо это, да и предчувствие не из приятных.

Палка за палкой, ветка за веткой-- и вот, у нас образцовая основа для костра. Главное, чтобы спичек хватило, но ветер усиливался, не давая ватным окоченевшим рукам и попытки ощутить что-то тёплое, кроме присутствия кого-то с недавнего времени близкого мне, наверное, друга. Иным мне не хотелось его считать.

Каждый удар спички о коробок давал надежду и отнимал в тот же миг. Сломалась, зажглась и потухла, зажглась, но не подошла – каждая проба зажечь спичку венчалась её неудачей, но если неудача окажется в пылающем до облаков огне, то я буду лишь рад ей. Слепой, что стал зрячим первым делом выкинет палку, что помогала ему всю жизнь, и хоть я держу этот спичечный коробок ничтожно малую долю моего потребления мировых запасов всех возможных ресурсов, я свято верю, что зрячим стать мне необходимо.

***

Наконец, в коробке последняя спичка. Ветер разогнал все тучи, небо озарилось куполом одноглазого планетария, наблюдающего за нами слепым жемчужным оком, что светило гораздо ярче и теплее, чем дневной одинокий источник свечения, став жертвой проказы земной чрезмерно свободной стихии, потому так и не дал двум заложникам дикого острова и шанса согреться. Мальчишка наблюдал за каждым моим движением и молчал, чересчур громко он сидел напротив и смотрел. Я готов был исчезнуть, но не умереть от холода. Последняя спичка...

- Слушай, может ты попробуешь, а то ты без движения совсем очоуришься, – голосом, полным отчаяния, я выплеснул своё бремя ему, и лёгким движением передал замусоленный пальцами коробок и последнюю надежду на продолжение.

Он ударил о коробок один раз. Второй, третий, я хотел вырвать из его рук спичку, чтобы он её не поломал, как вдруг он увернулся от моего рывка, выкинув случайно зажжённую спичку в подготовленную горсть веток. Мы застыли в ожидании, как вдруг мы почувствовали запах горелого. Маленькая струйка белёсого дыма закручивалась и выпрямлялась. Искра начала свою трапезу. Сухие листья белели на глазах передавая эстафету сухим палочкам, а от них к бревну. Тепло достигло и нас. Мальчишка радостно заверещал, а я, не веря своему счастью, оставался недвижим.

Огонь разгорелся настолько сильно, что мы могли потерять сознание от таких вулканических температур. В алых языках пламени пропадали силуэты сучьев. Голова кружилась от дыма, но именно в этот момент я почувствовал счастье, которое мне казалось ранее непостижимым.

***

Мы проболтали до утра, пока искусственное светило не потухло окончательно, деревья не утратили свои летние одеяния, а глаза не слиплись

от усталости. Ветер тоже устал бить нас холодом, видимо, понял, что пока у нас есть запах сажи, нет смысла стараться убить нас ударами, не видными глазу.

***

Пробуждение настигло меня не сразу. Солнце било холодным светом сквозь офисную белеющую плёнку облаков. Стало холодней, и я не чувствовал своим телом хоть долю ледяного воздуха. Меня укрыло огромным лоскутным одеялом. Снег уже покрыт слоем наста, что мешал сменить хотя бы на пару миллиметров положение моей замерзшей плоти в пространстве снежной насыпи. Немного покрутившись, я разбил скорлупу, чуть ли не крича от ожогов льда. Тополя-крепости стояли глупыми бессмысленными ветками, сквозь которые можно было разглядеть абсолютно всё. На сером льду белёсых чаек-стражников, таких же голых и серых островов-зверей, тёмную-тёмную воду бушующей реки.

Где *он*, мой верный первый настоящий друг этого шумного острова? Меня разрывала досада, горечь и отчаяние. Хотелось провалиться под землю, лишь бы выбраться отсюда и встретить *его* – лучик надежды на спасение из столь переменчивого мира кричащих чаек и острой гальки. Он исчез, растворился, может, он просто прячется под снегом? Я бросился вскапывать снег, но единственное, что обнаружил – лишь чёрное пятно совсем недавнего единственного счастья. Я потерял всё - ледяные ручьи потекли по щекам. Тёмные мои волосы примерзали к больному лицу, пальцы леденели, каждый позвонок словно пронзал безжизненную плоть мою. Мне никогда не было так плохо, хотя могло быть, я же не помню ничего, что было до моего появления вблизи того серого камня посреди поляны. Это незнание, эта пустота разливались из моих век уже широкой рекой, что вот-вот перестанет течь и преобразуется в сосульку, свисающую с черепицы ресниц.

Он рассказывал мне всё о том внешнем мире, что совсем близко, но так далёк, о людях, домах, заводах, музеях, музыке, еде. На тот момент мне казалось, что этот мальчишка знает всё. Может, он покинул меня ненадолго и скоро отвезёт меня в мир людей? Я не уверен, но надежда на спасение меня питала и убивала одновременно.

Чайки почувствовали что-то неладное, кружили стервятниками над недавно разгоревшейся диким костром душ. Слезы текли, тело умирало и тряслось. Глаза мои повидали в своих фантазиях весь мир, но последнее, что

я увидел, лишь вереница друзей-стражников - она возвращала меня к чувствам нескладным пиратским криком.

***

Я всё думал, что будет после смерти? Пустота или нечто большее, нечто наполненное смыслом. В прочем, я не успел что-либо надумать, а на меня смотрели серые, до боли родные глаза, но откуда я их знаю? Лодка меня уносила далеко от родного Птичьего базара. Последнее, что я видел – тёплые лучи солнца, падающие на цветочную поляну.

Наконец, я ощутил тепло, не кожей, (достиг некой дхьяны), а где-то в глубине своего нутра, где-то выше лёгких. Оно билось, вырывалось, поедало меня изнутри. Я не видел, но чувствовал присутствие тех, что были рядом, их клич разносился в моих ушах, их стены были моим домом, их травы лечили. Серые глаза дали мне весь мир, но нужен ли он мне, когда я любил всё давно знакомое, я не хотел покидать свой дом, но он дал надежду на счастье. Розовые очки, что были на мне, раздулись липкой жвачкой и моментально лопнули, прилипли к волосам настолько глубоко, что человек, которого я знал от силы день, изменил всё.

Может, таким должно было быть моё наказание за любовь к привычному, быть может, *c'est la vie*ⁱ?

ⁱ*c'est la vie*
– такова жизнь.